

Паульсен Фридрих

**Иммануил Кант, его жизнь и
учение**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф88

Ф88 **Фридрих П.**
Иммануил Кант, его жизнь и учение / Паульсен Фридрих – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 404 с.

ISBN 978-5-521-27369-0

ISBN 978-5-521-27369-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе къ 4-му изданію	vii—xiv
Предисловіе къ 1-му изданію	i—vi
Введеніе.	
Историческое значеніе философіи Канта	7
Мѣсто Канта въ современной ему эпохѣ	18
Часть первая. Жизнь Канта и философское его развитіе.	
А. В. Биографическій очеркъ	27
Характеръ Канта	55
Кантъ какъ профессоръ	59
Кантъ какъ мыслитель и писатель	66
М. Ф. Философское развитіе Канта	75
Часть вторая. Философская система Канта	104
Понятіе и дѣленіе философіи	105
Первая книга. Теоретическая философія	109
Теорія познанія	118
Критика чистаго разума	120
Названіе, возникновеніе и составъ критики чистаго разума	121
Введеніе и постановка проблемы	128
Объясненіе нѣкоторыхъ понятій	140
Трансцендентальная эстетика	150
Трансцендентальная аналитика	160
Систематическое изложеніе синтетическихъ основоположеній	173
Трансцендентальная діалектика	192
Пролегомены и второе изданіе критики	219
Метафизика	228
Приложеніе: Эмпирическая психологія и антропологія	273
Вторая книга. Практическая философія	280
Нравственная философія	281
Общій характеръ нравственной философіи Канта	—
Изложеніе системы	288
Критика нравственной философіи Канта	309
Нравственные воззрѣнія Канта и основаніе ихъ въ его личности	319
Ученіе о правѣ и государствѣ	325
Ученіе о религіи и церкви	343
Приложеніе: Ученіе о воспитаніи	354
Ученіе о красотѣ и объ искусствѣ	357
Заключеніе. Вліяніе философіи Канта и отношеніе ея къ настоящему времени	362
Хронологія важнѣйшихъ событій изъ жизни Канта и хронологическій перечень его сочиненій	381

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Прошелъ вѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ Кантъ навѣки закрылъ свои усталые глаза. Глубокое вліяніе, произведенное его жизнью, продолжается вплоть до нашего времени; послѣ временнаго затменія его звѣзда въ послѣднее время опять ярко заблестала.

Если мы спросимъ, на чемъ основывается выдающееся значеніе Канта, то получимъ тотъ самый отвѣтъ, который данъ Шиллеромъ въ словахъ его, приведенныхъ въ началѣ этого сочиненія: Кантъ былъ основателемъ идеализма въ той его формѣ, которая сдѣлалась неотъемлемою собственностью нѣмецкой духовной жизни.

Три момента характеризуютъ его философское направленіе.

1. *Практическій идеализмъ*: увѣренность въ томъ, что практическія идеи, идеи того, что должно быть, способны руководить жизнью: только жизнь, протекающая въ дѣятельномъ осуществленіи идей, а не въ наслажденіи, имѣетъ цѣну. Кантъ вмѣстѣ съ Фихте, который былъ въ этомъ отношеніи его настоящимъ наслѣдникомъ, и вмѣстѣ съ Платономъ, который былъ его настоящимъ предшественникомъ, принадлежитъ къ числу идеалистовъ, предъявляющихъ къ жизни требованія и произносящихъ надъ нею судъ, а не расписывающихъ ее красивыми красками. Его сужденія о дѣйствительности, какъ она есть, отличаются суровымъ тономъ: въ нихъ онъ оцѣниваетъ разстояніе между идеями и дѣйствительностью. Въ конкретныхъ явленіяхъ

онъ усматриваетъ „радикальное зло“, нечистое настроеніе, выражающееся въ наклонности имѣть опредѣляющимъ основаніемъ воли не только идею, но и удовлетвореніе личныхъ желаній. Въ государствѣ и въ отношеніяхъ государствъ другъ къ другу онъ также усматриваетъ радикальное зло: эмпирически данныя государства далеки отъ того, чтобъ сдѣлать разумное право единственнымъ опредѣляющимъ основаніемъ порядка общественной жизни, они обнаруживаютъ склонность выдвигать впередъ силу въ ущербъ праву, и въ международныхъ отношеніяхъ безразсудно пользуются силою также противъ права. Наконецъ, въ церкви онъ находитъ тоже самое радикальное зло: наклонность замѣнять свободную вѣру разума и праведную жизнь, какъ служеніе Богу, церковною барщиною и принудительною вѣрою, опредѣленною уставами. Въстѣ съ этимъ передъ человѣкомъ возникаютъ задачи: завоевывать исключительное господство для нравственнаго закона въ личной жизни, для естественнаго права въ политической жизни, для чистой вѣры разума во всеобщей жизни.

2. *Гнесеологическій идеализмъ*: увѣренность въ томъ, что знаніе не извнѣ проникаетъ въ духъ человѣка, а порождается изнутри творческими силами духа. Говоря языкомъ Канта, чувственность и разсудокъ содержатъ въ себѣ апріорные принципы, благодаря которымъ впервые становятся возможными опытъ и наука. Наконецъ, послѣднюю движущую впередъ и опредѣляющую направленіе научной работы силою служить опять таки идея, именно идея законченной міровой системы, мало того, идея системы, изображающей всю дѣйствительность, какъ осуществленіе всеохватывающей идеи. Въ связи съ этимъ стоитъ третій элементъ философіи Канта:

3. *Метафизическій идеализмъ*: увѣренность въ томъ, что идеи имѣютъ силу не только въ дѣятельности и познаніи человѣка, т. е. микрокосма, но и во вселенной въ ея цѣломъ, иными словами, увѣренность въ томъ, что идеи суть творческіе принципы своей дѣйствительности. Конечно, божественно - космическія идеи не лежатъ въ области нашего научнаго знанія, какъ это ошибочно предполагалъ старый теологическій и философскій догматизмъ: чувственно-ограниченная человѣческая способность познанія не можетъ

перешагнуть за предѣлы міра явленій. Однако эти идеи просвѣчиваютъ сквозь явленія, особенно въ органическомъ и еще болѣе въ историческомъ мірѣ, такъ что и умозрительный разумъ не можетъ не полагать идей въ основу пониманія этихъ областей. Наконецъ, практическій разумъ, обязывающій насъ осуществлять идеи, которымъ нѣтъ мѣста въ мірѣ явленій, даетъ увѣренности въ существованіи идеальнаго міра послѣднюю самую надежную основу въ практически - религіозной вѣрѣ, которая опирается не на опытное знаніе или логическое умствование, а заложена въ глубочайшей сущности человѣка, въ его разумной волѣ.

Таковы великія, имѣющія вѣчное значеніе мысли, которыя Кантъ неизгладимо запечатлѣлъ въ духовной жизни нѣмецкаго народа, а также и другихъ народовъ. Въ этомъ смыслѣ его философію слѣдуетъ разсматривать, какъ послѣднее и самое глубокое разрѣшеніе послѣдней и самой глубокой изъ всѣхъ проблемъ: онъ показалъ, что необходимость дѣйствительности слѣдуетъ понимать, какъ *разумную необходимость*.

Изъ трехъ указанныхъ нами элементовъ практическій и гносеологическій идеализмъ всѣми признается за существенную сторону философіи Канта. Не такъ относится критика къ метафизическому идеализму Канта. Сомнѣнія и возраженія, высказанныя по поводу моего изложенія философіи Канта, послѣ появленія предыдущаго изданія, были направлены главнымъ образомъ противъ признанія метафизическаго идеализма законною составною частью системы Канта. Говорятъ, что критическая философія такимъ образомъ приближается къ философіи Платона и Лейбница и утрачиваетъ свой оригинальный характеръ.

Я не могу согласиться съ этимъ возраженіемъ. Въ полномъ изложеніи системы Канта нельзя вычеркнуть его метафизическій идеализмъ. *Между царствомъ собственно научнаго знанія и царствомъ практической вѣры существуетъ промежуточная ступень, царство необходимаго разумаго мышленія.* Мышленіе не ограничивается областью того, что дано въ возможномъ воспріятіи: разумъ согласно своей природѣ выходитъ за предѣлы всякаго возможнаго опыта и создаетъ необходимыя идеи относительно того, что никогда не можетъ быть предметомъ опыта. Хотя эти идеи

не суть конститутивные элементы эмпирической действительности, хотя онѣ имѣютъ только „регулятивное“ значеніе для эмпирическаго примѣненія разсудка, тѣмъ не менѣе, онѣ возникаютъ не изъ субъективнаго произвола, а необходимо полагаются сущностью самаго разума. Такимъ образомъ существуетъ метафизика не только, какъ „чистое естествознаніе“, но и какъ система необходимыхъ мыслей о действительности, какъ она существуетъ сама по себѣ.

Иными словами, метафизика возможна въ двоякомъ смыслѣ:

1. Какъ *чистое естествознаніе*: основная структура нашей чувственности и нашего разсудка опредѣляетъ основную схему действительности, какъ она существуетъ для насъ; благодаря этому возможна метафизика, какъ апіорное знаніе о мірѣ явленій со стороны его формы.

2. Какъ *чистое мышленіе объ умопостижимомъ мірѣ*: основная структура нашего мыслящаго разума, полагающаго цѣли и осуществляющаго идеи, даетъ основную схему действительности, которая, правда, не познается нами научно, какъ существующая сама по себѣ, но все же необходимо мыслится и признается действительною въ практической вѣрѣ. Такимъ путемъ становится возможною метафизика, какъ способность мыслить *умопостижимый міръ*.

Я полагаю, что различіе между философіею Канта и философіею Платона и Лейбница съ ихъ чисто разсудочнымъ познаніемъ сверхчувственнаго міра, остается вполне очевиднымъ. Но, съ другой стороны, не менѣе очевидно, что міросозерцаніе Канта, взятое во всемъ его объемѣ, стоитъ на сторонѣ платонизма, а не на сторонѣ *Эпикура*, не на сторонѣ *натурализма*, отрицающаго всякую метафизику и признающаго только физику. Быть можетъ, предположенія натурализма достаточны для физики, но для полнаго міросозерцанія они недостаточны. Точно также ясно, что въ теоріи познанія, въ опредѣленіи происхожденія и метода познанія, Кантъ примыкаетъ не къ „эмпиристамъ“, не къ Юму, а къ „неологистамъ“, главнымъ представителемъ которыхъ въ современной ему философіи онъ считалъ Лейбница.

Что касается *метафизики*, Кантъ считаетъ главною своею цѣлью найти истинный методъ метафизики, научное обоснованіе ея. Это опредѣленіе проходитъ безъ вся-

кихъ колебаній сквозь всѣ его сочиненія, начиная съ писемъ къ Ламберту и Мендельсону въ 1765 и 66 вплоть до заявленій, сдѣланныхъ имъ въ девяностыхъ годахъ по поводу поставленнаго академіею на премію вопроса объ успѣхахъ метафизики и заключающихъ въ себѣ оцѣнку его прошлой дѣятельности. Старанія его ума были направлены на то, чтобы найти переходъ отъ *чувственного міра* къ *міру умопостигаемому*. Хотя въ критической философіи онъ находитъ вполне обезпеченный переходъ въ эту область только для практическаго разума, все же онъ тотчасъ прибавляетъ: вслѣдствіе этого практическому разуму, который возвышаетъ насъ надъ міромъ явленій и вводитъ въ умопостигаемый міръ свободы, принадлежитъ приматъ передъ теоретическимъ разумомъ. Но и теоретическій разумъ, несмотря на заявленія аналитики и діалектики, умѣетъ уловить сквозь разныя щели по крайней мѣрѣ проблески свѣта изъ умопостигаемаго міра, какъ это извѣстно всѣмъ, кто сколько нибудь обстоятельно занимался ученіемъ Канта объ идеяхъ и ихъ теоретическомъ примѣненіи. Согласно нѣкоторымъ его истолкователямъ онъ не долженъ былъ ничего говорить объ умопостигаемомъ мірѣ, кромѣ того, что этотъ міръ есть для насъ *x*, во всѣхъ отношеніяхъ вполне неизвѣстное *x* также и со стороны своего существованія. Однако Кантъ позволяетъ себѣ думать о многомъ, о чемъ кантіанцы не разрѣшаютъ ему думать. Его мысли движутся своими собственными путями, и центромъ, вокругъ котораго онъ вращается, остается міръ идей; его метафизика и теорія знанія, его этика и философія исторіи, его философія природы и философія искусства тяготеютъ къ этому центру, какъ я подробно показалъ это въ статьѣ „Отношеніе Канта къ метафизикѣ“ (Kantstudien, изд. Файхингера, IV. 413—447). Какимъ образомъ могъ бы онъ усматривать въ нравственной теологіи, въ практической вѣрѣ вѣнецъ всего зданія, если бы объектъ вѣры не былъ опредѣленъ разумнымъ мышленіемъ? Неужели кто нибудь можетъ вѣрить въ какое-то *x*, въ нѣчто совершенно невѣдомое, и въ этой вѣрѣ видѣть спасеніе?

Что же касается *теоріи знанія*, для Канта прежде всего характерна его *вѣра въ разумъ*. У него нѣтъ, какъ у Локка, жалобъ на естественную слабость и узкія границы чело-

вѣческой способности познанія, нѣтъ вытекающихъ изъ недовѣрія къ разуму призывовъ къ опыту или здравому человѣческому разсудку, какъ у Юма, нѣтъ тяготѣнія къ мистической вѣрѣ, какъ у Гамана или Якоби; вездѣ онъ высказываетъ убѣжденіе въ томъ, что разумъ способенъ, пользуясь собственными силами, опредѣлить съ помощью прочныхъ принциповъ жизнь и міросозерцаніе. Только одного разумъ не можетъ сдѣлать: создать одними лишь своими силами научное знаніе; для этого человѣку нужна также помощь наглядныхъ представленій. Однако наука становится наукою не благодаря элементу, возникающему изъ „опыта“, а благодаря апіорному фактору, т. е., въ конечной инстанціи, благодаря разуму. Со времени Платона ни одинъ философъ, кромѣ развѣ Спинозы, не говорилъ презрительнѣе о „черни, поклоняющейся опыту“.

Почему многимъ такъ трудно усмотрѣть эту сторону философіи Канта? Я полагаю, имъ мѣшаетъ одно субъективное условіе: они подходятъ къ Канту съ представленіями, заимствованными изъ догматической метафизики, или изъ метафизики церковнаго ученія или изъ метафизики такихъ книгъ, какъ *Kraft und Stoff*. Первое сильное впечатлѣніе, производимое на нихъ критикою Канта, заключается въ уничтоженіи этихъ представленій. Будутъ ли они проклинать его за это, какъ разрушителя, или благословлять, какъ освободителя, онъ навсегда для нихъ остается разрушителемъ метафизики. Таково было первое впечатлѣніе, произведенное имъ на современниковъ: лейбнице-вольфовская метафизика лежитъ разбитая въ куски. Таково было опять впечатлѣніе, когда представители философіи шестидесятыхъ годовъ, находясь еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ философіи Гегеля, вернулись къ изученію Канта: Кантъ предостерегаетъ противъ поспѣшнаго умозрѣнія, онъ неподвижно устанавливаетъ границы человѣческаго знанія противъ Гегеля, какъ и противъ Бюхнера. Таково было между прочимъ первое впечатлѣніе, испытанное мною, когда я много лѣтъ тому назадъ впервые читалъ Критику чистаго разума.

Конечно, такое представленіе о философіи Канта нельзя считать совершенно ложнымъ; отрицаніе и разрушеніе входятъ въ нее, какъ элементъ. Точно такъ же всякій имѣетъ

право считать для себя существеннымъ и важнымъ то, что сдѣлалъ для него Кантъ. Однако это не весь Кантъ, это не самъ Кантъ, это Кантъ, созданный читателемъ. Дѣйствительный, историческій Кантъ имѣлъ иной характеръ, для него „опредѣленіе границъ“ было только моментомъ и то не самымъ важнымъ. Впервые съ тѣхъ поръ, какъ я усмотрѣлъ это, и когда я началъ изучать Критику чистаго разума исторически, т. е. въ связи съ до-критическими сочинениями, въ связи съ исторіею развитія Канта, въ связи съ Юмомъ, она стала мнѣ понятною въ цѣломъ и перестала производить на меня впечатлѣніе странной обстоятельности, впечатлѣніе, производимое ею на всякаго, кто считаетъ важнѣйшимъ результатомъ ея ограниченіе человѣческаго знанія опытомъ. Исходя изъ необходимой для разума мысли объ умопостигаемомъ мірѣ, можно понять также и „опредѣленіе границъ“ знанія, тогда какъ, наоборотъ, исходя изъ опредѣленія границъ знанія, нельзя найти отношенія этихъ границъ къ умопостигаемому міру.

Теперь я упомяну еще только о томъ, что моя книга встрѣтила, кромѣ возраженій по существу, также притязательныя поученія и пренебрежительное порицаніе со стороны лицъ, утверждающихъ, что они знаютъ предметъ лучше; эти заявленія исходятъ изъ круга единственно подлинныхъ кантіанцевъ. Читатель позволитъ мнѣ не сообщать объ этомъ подробно, подобно тому, какъ я не занимаюсь опроверженіемъ такой критики и такихъ поученій. Спорить съ людьми, которые не умѣютъ слушать, единственнымъ аргументомъ которыхъ служить повтореніе того, что сказалъ или, по ихъ единственно правильному изложенію, могъ и долженъ былъ сказать Кантъ, съ людьми, въ глазахъ которыхъ отступленіе отъ Канта, и при томъ ихъ Канта, есть доказательство непониманія Канта, не мое дѣло. Я предвидѣлъ, что это случится; тому, кто хочетъ быть „только кантіанцемъ“ (Nichts-als-Kantianer), не можетъ понравиться книга, не признающая Канта послѣднимъ завершеніемъ философіи и утверждающая, что 19 вѣкъ также создалъ новыя, заслуживающія вниманія мысли. Если они считаютъ всякое отклоненіе отъ Канта результатомъ непониманія Канта, то и это я считаю вполне естественнымъ. Изученіе Канта, никакой критики Канта; изу-

ченіе Канта, пока ни одна другая мысль не будетъ находить доступа въ голову; тому, кто такимъ образомъ тренировалъ себя, конечно, всякое отступленіе отъ канона должно казаться заблужденіемъ или недоразумѣніемъ. Однажды Лихтенбергъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе по адресу безусловныхъ кантіанцевъ, которые встрѣчались также и въ его время: по его мнѣнію, многіе люди, обрадовавшись тому, что имъ удалось понять чрезвычайно абстрактно и темно выраженную систему, воображаютъ уже, что она доказана. Это замѣчаніе относится и къ нашему времени; и въ наше время отсюда дѣлаютъ дальнѣйшій выводъ: кто не соглашается съ такою доказанною системою, тотъ значитъ не понялъ ея.

Что касается отношенія новаго изданія къ предыдущимъ, я прежде всего воспользовался новымъ матеріаломъ, появившимся на свѣтъ главнымъ образомъ въ очень разросшихся дополненіяхъ къ перепискѣ Канта. Также и въ изложеніи я сдѣлалъ кое-гдѣ поправки, отчасти имѣя въ виду критическія замѣчанія по поводу моей книги: нѣкоторыя мысли я высказалъ яснѣе и рѣзче или же попытался дать имъ форму, менѣе подающую поводъ къ недоразумѣніямъ. Существенныхъ измѣненій въ моемъ пониманіи Канта нѣтъ и не будетъ, какъ я полагаю: я изучалъ Канта достаточно долго, чтобы по крайней мѣрѣ въ этомъ, да и не только въ одномъ этомъ отношеніи быть до извѣстной степени увѣреннымъ въ себѣ.

Быть можетъ, нѣкоторымъ читателямъ будетъ интересно узнать, что моя книга появилась также на русскомъ и англійскомъ языкѣ. Къ превосходному англійскому переводу гг. Крейтона и Лефевра (изъ Корнельскаго университета) прибавлены указанія англійской литературы, а также полное перечисленіе всѣхъ переводовъ сочиненій Канта на англійскій языкъ.

Штеглицъ близъ Берлина,
февраль 1904.

Фридрихъ Паульсенъ.